

Юган Н. Л.,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры мировой литературы и русского языкознания
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ В. И. ДАЛЯ «БЕДОВИК»

Аннотация. В статье дано описание субъективной модальности высказывания в повести В.И. Даля «Бедовик», дифференцированной на внутрисинтаксическую и внешнюю, наслаивающуюся на предикативную модальность.

Ключевые слова: модальность, субъективная, внутрисинтаксическая, внешняя, модификаторы, вводные конструкции, модальная рамка.

Постановка проблемы. Категория модальности относится к универсальным понятийным категориям, отражающим познание объективного мира, маркированное языковыми средствами. Традиционно как один из доминирующих признаков высказывания она дифференцируется на объективную, или предикативную, неотъемлемый атрибут любого предложения как коммуникативной единицы, и субъективную, проблемы типологии и объективации которой трудно признать решенными.

Учитывая утвердившийся в лингвистике подход к модальности как к «функционально-семантической категории, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [1, с. 302], под субъективной мы понимаем модальность, маркирующую отношение модального субъекта к содержанию сообщаемого, представленную структурными элементами высказывания. Оценка высказываемого определяется обычно опытом, знаниями и интенцией модального субъекта или знаниями и суждениями других людей. Логически обоснованную опытом и знаниями, субъективную модальность называют эпистемической (от греч. *episteme* – структура знания, определяющего способ, которым мир представляется или «видится»).

Способ объективации определил её дифференциацию на модальность внутрисинтаксическую и модальность внешнюю [2, с. 152]. Обе разновидности субъективной модальности характеризуются тем, что, не представляя предикативной оси высказывания и являясь факультативным компонентом его грамматического значения, они наслаиваются на предикативную модальность, осложняя высказывание структурно и обогащая его семантически.

Под внутрисинтаксической понимается модальность, представленная неполнозначными модальными модификаторами и являющаяся следствием структурно-семантической модификации грамматической основы высказывания, его структурной схемы.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение субъективной модальности в художественном творчестве В.И. Даля не проводилось. Из текста «Бедовик» было изъято 208 высказываний, включающих лексемы, маркирующие внутрисинтаксическую и внешнюю модальности, соответственно 81-127 высказываний.

Цель исследования – изучение способов выражения субъективной модальности В.И. Далем в повести «Бедовик» [3, с. 19–100].

Изложение основного материала исследования. В повести В.И. Даля внутрисинтаксическая модальность представлена введением в позиционную схему глагольных и именных модификаторов различной семантики. Прежде всего, они объективируют модус возможности/невозможности, представленный лексемами «мочь», «нельзя», «успеть», «можно» в высказываниях глагольного и именного (реже) типов реальной и ирреальной модальности (60 примеров): «А именины? Это уж бог весть что такое! Можно ли (здесь и в дальнейшем подчеркивания наши. – Н. Ю.) ввести во всеобщее употребление обычай – поздравлять весь город своевременно с именинами и дать этому бестолковому тунеядному обычаю силу житейского закона!» [3, с. 25]; «Если бы только, – подумал он про себя тихонько, – если бы люди эти были немножечко, чуть-чуть иначе, если бы не видеть своими глазами на каждом шагу, как всякая правда живёт подчас кривою, да кабы они ещё немножко поменьше сплетничали и надоедали и себе и друг другу, – так можно бы и жить и служить с ними; а этак, ей-богу, трудно» [3, с. 42]; «А кто поблагодарит меня за это, – думал Евсей Стахеевич, – кому от визитов моих легче и теплее? Ни посетителю, ни посещаемому, ни гостю, ни хозяину; а между тем нельзя и отстать» [3, с. 20]; «Чем благосклонная посетительница выше саном, тем короче так называемый визит её; иногда в буквальном смысле она успеет войти, чмокнуться, присесть, встать, откланяться и уехать» [3, с. 24]. К этой же группе модальных модификаторов относим и лексему «уметь» в значении «обладать способностью делать что-либо» в единичном высказывании [4, с. 832]: «<...> новый председатель палаты <...> продолжал, пожимая плечами: «Странное дело, что вы этого человека не умели удержать, тогда как теперь некому сделать даже и самой простой выписки из журнального постановления <...>» [3, с. 100].

В 21 высказывании внутрисинтаксическая модальность долженствования (необходимости), объективирована лексемами «должен», «должно», «надо», «надобно», «обязан», «придётся/пришлось», «принужден»: «Евсею казалось, что происшествие это должно было <...> наделать в столице столько шуму и тревоги, что его, Лирова, верно ожидают уже у Московской, в Петербурге, заставы» [3, с. 72]; «За это благородное, бескорыстное направление духа он (Евсей Стахеевич) был обязан <...> но об этом после; довольно того, что мысль и чувство вложены были в него природою, а развиты женщиною» [3, с. 29]; (Евсей) «никогда вслух не жаловался на бессмыслицу и думал только иногда про себя, если не мог вовсе добиться толку, а принужден был, не перекладывая таких речей и оборотов на русский язык, держаться одних бессмысленных слов и передавать их в этом же виде и порядке <...>» [3, с. 30]; «Кто загадки этой не понимает, тому надобно напомнить, что Мукомолов зажиточный помещик <...>» [3, с. 45].

Контекстуально обусловленное значение долженствования маркировано лексемой *нельзя* в сочетании с отрицательным глаголом действия: «Как всегда, матушка, так и теперь говорите вы совершенную правду, – сказал Лиров, поцеловав руку Марьи Ивановны, – я это вижу и понимаю; вижу также, что мне нельзя не ехать с вами <...>» [3, с. 94] = «должен, нужно ехать». Тогда как отрицательная частица при модификаторе – показатель отсутствия необходимости совершения действия.

Модальность, обогащающая предикативную ось высказывания дополнительной семой необходимости, передана В.И. Далем и имплицитно, формой повелительного наклонения в значении реального долженствования, необходимости без семы побуждения (2 примера): «Не успел покончить сегодня, отдохнуть день, другой, поработать – принимайся опять за то же, и так до скончания века» [3, с. 20]; «И пусть бы ещё наш брат, мелочь ездил к начальникам с почтением да на поклон, чтобы на глаза показаться, чтобы не сказали: «Вы по воскресеньям не уважаете начальства, а то нет, и друг к другу, и к равным себе, и к посторонним, к знакомым и к незнакомым, словом, где только есть ворота да три окна на улицу, туда и заезжай сподряд» [3, с. 21]. Эта же сема, подтверждаемая контекстом, в единичном примере представлена и формой изъявительного наклонения при обобщенно-личном имплицитном субъекте: «Что же тут станешь делать? Поедешь, поневоле» [3, с. 20] = «другого выхода нет, должен ехать».

Модальность желательности/нежелательности (4 высказывания) объективирована модификаторами «хотеть», «хочется»: «...Когда, бывало, учитель сёл нас в уездном училище, то уверял всегда и приговаривал во все время секуции: «Не я бью, сам себя бьёшь». То же самое хочется мне и теперь высказать иногда хозяину, к которому случится приехать не вовремя» [3, с. 20]; «Да я только хотел, то есть, доложить вам наперёд, – переминался Горюнов, – чтобы не вышло, то есть, опосля каких пустяков <...>» [3, с. 91].

Готовность к осуществлению действия представлена единичным примером с лексемой «готов»: «Светские предрассудки, которые вырастили, выпоили и вскормили нас, так всеильны, что и читатели мои готовы откинуться от сына распутного магистратского секретаря и дочери просвирни, как будто он может отвечать за грехи предков своих!» [3, с. 29].

Непродуктивная в функционировании полузнаменательная оценочная лексема «прийтись», в словарном значении которой сема необходимости, вынужденности, в тексте, считаем, маркирует наступление времени совершения действия, в частности – времени покинуть город, спонтанное сиюминутное решение без какой-либо серьёзной причины, тем более вынужденности: «Когда пришлось ехать однако же, то он расстался не без грусти даже и с Малиновым» [3, с. 41] = «когда наступило время».

Специфичность видим и в использовании автором лексемы «решиться», основное лексическое значение которой – «избрать» какой-нибудь способ действия после обдумывания, сомнений, отважиться на что-либо [4, с. 678]: «Долго мялся и таился Евсей, но наконец, раздумав и рассудив основательно, что чин и прозвание опекуна и жениха никак не могут вести к заключению о звании и прозвании опекаемых, то есть находящихся у него под опекою, решился, да, решился налить полный стакан квасу, поднести его вплоть ко рту, спросить скороговоркою, упершись глазами в стакан: «А кто таковы барыни эти, вы, чай, не знаете?» – и вслед за этим осушить бычком, без расста-

новки, весь стакан» [3, с. 72–73]. Однако, желая переехать из родного города, Лиров без всяких мучительных обдумываний, передвигая по карте свой палец между Москвой и Питером, выезжает на Тверь, выбор же конечного пункта «переложил» на обстоятельства: «Он решился выехать на Тверь, подумать дорожную, сообразить дело в Твери и своротить направо или налево – в Москву или в Питер – по обстоятельствам. Решено и сделано; хотя, впрочем, и не совсем, как мы увидим это после» [3, с. 41].

Модальным субъектом внутрисинтаксической непредикативной модальности может быть как говорящий, так и субъект высказывания – носитель предикативного признака. В позиции говорящего возможен как автор повествования, так и один из его героев. Автор выступает в качестве модального субъекта в тех случаях, когда он представляет портреты своих героев, рисует их характеры. Чаще таковым является главный герой повести Евсей Стахеевич Лиров. Авторская оценка последнего представлена 46 высказываниями. Внутрисинтаксическая модальность, наслаиваясь на предикативную, формирует пропозициональную модальность высказывания.

К внешней модальности, как указано выше, мы относим модальность, представленную структурой высказывания, его элементами, но не в качестве маркеров диктумной части, а в качестве обогащающих её содержание дополнительными модальными семами. К таковым относим вводные конструкции – наиболее яркий представитель модальных модификаторов, носитель модальной оценки информативного компонента высказывания или его части. Субъектом внешней модальности выступает не только автор повествования, оценивающий полностью или частично диктумный компонент высказывания, но и герои повести, прежде всего, – главный герой – Евсей Стахеевич Лиров, постоянно размышляющий о смысле жизни, её обычаях и отношениях между людьми.

Внешняя модальность наслаивается на пропозициональную модальность, представленную предикативной и внутрисинтаксической модальностью, и образует модальную рамку высказывания.

Специфика субъективной модальности на материале вводных конструкций впервые была отмечена акад. В.В. Виноградовым. Он писал: «Модальность, выражаемая вводными синтагмами совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката» [5, с. 68]. И далее: «...очевидно, что модальные краски и оттенки, создаваемые вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [5, с. 71].

Лексическое значение модификатора определяет обогащение содержательной структуры высказывания, её смысла соотносительными модальными семемами. Разнообразие и неоднородность лексического значения неполнозначных модификаторов, данные «Граматики русского языка» [6, с. 142–176] позволили произвести их дифференциацию в повести на следующие группы: 1. Модификаторы, обогащающие смысл высказывания семой различного уровня достоверности; 2. Модификаторы, обогащающие смысл высказывания семой обычности; 3. Модификаторы, обогащающие смысл высказывания эмоциональной оценкой; 4. Модификаторы, обогащающие смысл высказывания семой источника сообщения; 5. Модификаторы, обогащающие смысл высказывания семой «отношение к способам выражения мысли».

Первая группа модификаторов в нашем материале представлена конструкциями *без сомнения, верно, вероятно, видно, вишь, впрочем, в свою очередь, ей-богу, и в самом деле, известно, казаться, конечно, может быть, можно, можно сказать, подлинно, по-видимому, пожалуй, положим, правда, право, разумеется, так думалось* (73 примера).

Уровень достоверности в лексическом значении модификатора различен, что определило второй уровень дифференциации модально-вводных слов этой группы на модификаторы, маркирующие семему «достоверность сообщаемого», семему «предположение наличия сообщаемого» и семему «неуверенность».

Модальность полной уверенности объективирована в 31 высказывании следующими вводными конструкциями:

без сомнения (книжн.) – несомненно, безусловно [4, с. 747]: «Всякому, без сомнения, глупость эта надоела не меньше моего, а каждый связан и опутан этими тенетами и пеленками условных приличий; спрашиваю, можно ли принять с повального согласия общее правило и постановление, которое всем вообще в тягость и никому не приносит пользы <...>» [3, с. 20];

ей-богу, ей-ей (разг.) – действительно, истинная правда [4, с. 187]: «Если бы только, – подумал он про себя тихонько, – если бы люди эти были немножечко, чуть-чуть иначе, если бы не видеть своими глазами на каждом шагу, как всякая правда живёт подчас кривою, да кабы они ещё немножко поменьше сплетничали и надоедали и себе и друг другу, – так можно бы и жить и служить с ними; а этак, ей-богу, трудно» [3, с. 42];

в самом деле – действительно, точно [4, с. 159]: «И в самом деле, Корней Горюнов был в одно и то же время честнейший человек, благороднейшая душа, и плут и мошенник» [3, с. 37];

конечно – само собой разумеется, без сомнения [4, с. 290]: «Несмотря на своекорыстную цель этой услуги, он ценил её, однако же, так высоко, что позволял себе быть против Голубцовой грубым, взыскательным и повелительным, чего, конечно, мало-мальски порядочный человек никогда бы себе не позволил» [3, с. 97];

подлинно – действительно, в самом деле [4, с. 537]: «Кой чёрт, моя власть», – подумал Лиров, вскочил с дивана и принялся ходить по комнате. Да, подлинно, в Клине ему свет клином сошёлся, в Чёрной Грязи посидел он в грязи; одно только Чудово озарило его чудом, да и то не знает ещё, чем оно кончится и куда потянет, не то опять в грязь, не то на чистую воду, – а Евсей, чай, боится и того и другого» [3, с. 76];

правда – верно, в самом деле [4, с. 576]: «Правда, у него остался теперь там один только дом, в котором он был дома, а именно: собственное его жилище ...» [3, с. 41];

право (разг.) – действительно, в самом деле, правда [4, с. 577]: «Откуда вести эти берутся – иногда, право, трудно разгадать; так, например, спрашиваю вас, откуда могло взяться известие о возвращении Лирова и о свадьбе его с Голубцовой?» [4, с. 87];

разумеется – выражается уверенность, конечно [4, с. 654]: «Совсем нет, друзья, – но дело в том, что у нас у всех, не только у малиновских жителей, свои причуды, странности, недостатки и пороки – у одного более, разумеется, у другого менее» [3, с. 36];

в свою очередь – безусловно: «<...> та (Мукомолова) сказала где-то в оправдание своё, что инспектор управы переморил уже более людей, чем у него седых волос на голове, что опять, в свою очередь, дошло до Мокриды Роховны ...» [3, с. 45];

признаться – выразить уверенность: «Ивану Ивановичу стало тесно в земском суде, – да, признаться, ему и письмо как-то не давалось; он вышел на простор, пошел искать счастья по белому свету и попал, как видно, на большую дорогу» [3, с. 55].

Сема неуверенности представлена в 33 высказываниях модификаторами:

вероятно – по всей вероятности, по-видимому [4, с. 75]: «Разговор этот у подъезда советника продолжался бы, вероятно, ещё несколько времени, если бы полковник Плахов не наехал сзади четверней и выносной мальчишка не взвизгнул пронзительным голосом <...>» [3, с. 30];

видно, как видно – по-видимому, кажется, вероятно [4, с. 82]: «Сам же он, видно, вовсе не понимает, в чём дело; его нельзя ни вразумить, ни убедить, ни умолить <...>» [3, с. 92]; Он, как видно, давно уже решил, что женится на Мелаше <...>» [3, с. 92];

кажется – по-видимому, как будто [4, с. 258]: «Вы найдете в числе знакомых своих мосек, меделянских, датских собак, ищейных или гончих <...> а легавого и борзого мы, кажется, уже нашли: вот они, один причуевает что-то, раздувает ноздри, другой скучает, застоялся, сердечный, а гону нет» [3, с. 34].

В позиции модального компонента со значением неуверенности, считаем, выступает конструкция «если не ошибаюсь», маркирующая сему «предполагаю»: «<...> новый чепец, или, если не ошибаюсь, накладка, которую выписывает вице-губернаторша прямо из Петербурга, дорогою растряслась, ящик разбит, и накладка приедет в самом отчаянном положении» [3, с. 46].

В качестве разновидности модуса достоверности выделяем непродуктивные в функционировании модальность предположения (4 примера) и модальность представления (5 примеров).

Модальность предположения представлена вводными словами и словосочетаниями типа:

положим – предположим: «В одном из губернских городов наших, положим хоть в Малинове, настало воскресенье <...>» [3, с. 19]. Этот же модус, считаем, превалирует в семантике вводных слов «по-видимому» и «вероятно» в высказываниях, когда контекст не дает четкого представления о неуверенности модального субъекта в сообщаемом: «Затем останется мне только еще сказать вам, что Лиров, примкнувши к Голубцовым, по-видимому, не навлек на них, как опасался, гнева потешавшейся доселе над ним судьбы <...> и, как казалось, причислила доброго Евсея по сказкам своим к семейству Марьи Ивановны, на котором, видимо, почивала благодать божия» [3, с. 99]; «Изо всего этого вы ясно видите, что думы свои Лиров берет, большею частью по крайней мере, про себя и увез их с собою; иначе, вероятно, был бы он помянут не тем и не так» [3, с. 46].

Лексема «кажется», наряду с модусом неуверенности, объективирует и модальность представления, видимости. «Он был тих, скромн, потворчив, робок и до того снисходителен, что, казалось, не видел ничего там, где присутствие его могло быть для других обременительно, не слышал ни слова, если около него происходил разговор, который мог или должен бы ввести разговаривающих в краску» [3, с. 29] – «представлялось, виделось таким».

Источник информации, представленный в 15 высказываниях, маркирован вводными конструкциями:

говорят, сказывают – слух есть, молва ходит, бытует такое мнение [7, с. 177–178]: «Уж он (Оборотнев) вот на одном месяце другой раз взад и вперед проехал, видно по делам каким; а

он, говорят, опекуном у барынь этих <...>» [3, с. 72]; «<...> в самой Твери она (судьба) опять выследила его (Евсея), привела голодного и усталого в изрядную гостиницу и заставила съесть какой-то биток, который подается, сказывают, в обертке – совсем с бумажкой» [3, с. 47];

говорит, как сказывает – некто сообщает, выражает что-либо: «<...> он (солдат) был хмелен, говорит Власов, да прилег, его впотьмах и завалили <...>» [3, с. 71]; (Оборотнев) «да никак еще и жених, как сказывал намедни человек его» [3, с. 72];

говорится – как принято говорить, как говорят [4, с. 135]: «Евсей <...> успел только узнать, что она (девушка) институтка и что шестого числа будет семь месяцев, как она увидела свет – не в том смысле, как говорится это о новорожденном, не лучи солнечные, а мир, то есть не тишину и покойствие, а, напротив, суету светской жизни, пыль, дым и чад» [3, с. 70];

известно, как известно – о том, что знают все [4, с. 238]: «Что ж, известно, бабье дело, хозяйка реветь, да целовать, да в ноги; запела во всю улицу <...>» [3, с. 90]; «Не удивляйтесь этому: Пелагея Ивановна, как известно целому городу, незадолго до этого взыскала три рубля без вычета на ассигнации с неосторожного соседа своего за хохлатую и мохноногую курочку, которую задушила его борзая» [3, с. 44];

Более продуктивным (27 примеров) в реализации является модус, маркирующий сему «отношение к способам выражения мысли»:

по примеру – как образец: «А если бы Евсею теперь вздумалось сделать заем, то, верно, пришлось бы, по примеру Испании, обеспечить заем залогом и платить еще 49 со ста» [3, с. 77];

как значится – как обозначено, названо [ср.: 4, с. 232], как называли – как значится в народе без оценочной семы: «Все жители Малинова вдоль Песчаной улицы, как значилась она на чертеже, или Вице-губернаторской, как обыкновенно её называли, ложились в растворенные окна и высывывались по самые чресла, чтобы посмотреть, кто поехал или приехал» [3, с. 44];

по убеждению – уверенный взгляд на что-либо, точка зрения [4, с. 321]: «Это, по основанному на опыте убеждению, помогало; Евсей воображал, что скинул ношу свою с плеч, что закинул ее и уничтожил» [3, с. 80];

по слухам – по неподтвержденным данным [4, с. 732]: «Отца Лирова, Стахея, теща увезла, как необходимую домашнюю утварь, в свой город, где он, по слухам, дошедшим до бедного Евсея, волею божиею помре» [3, с. 28];

по расчётам – в соответствии с расчётом, на основании расчета [4, с. 526]: «Евсея передавали с рук на руки, торговались и продавали на каждой станции, после каждого перегона сызнава, рядились всегда до какого-нибудь города, вымаливали и выманивали хотя половину прогонов вперед, чтобы его не беспокоить ночью к расчёту, а после заставляли уплачивать сверх прогонов все привески и недovesки, которые, по взаимным расчетам, скопились на последней станции» [3, с. 51];

по мнению – по чьей-либо оценке [ср.: 4, с. 359]: «Власову <...> килиановская показалась гораздо лучше; энгалычевская кисловата и вяжет рот, килиановская, по мнению Власова, была родом из турецкой крепости Кили <...>» [3, с. 43];

по-нашему, по-вашему, по-старинному – как бытует у нас, у вас, было в старину: «Генерал этот высокородный, по-нашему, по-старинному, бригадир, а по фамилии прозывается он господин Оборотнев» [3, с. 72];

«по соображениям» в сочетании с атрибутивной конструкцией – по пониманию: «Я вам могу сказать приблизительно наперед, по местным соображениям, что между тем сбудется и произойдет в Малинове» [3, с. 46];

как зовут, как называют – для выражения иронического или отрицательного отношения к кому-либо [4, с. 381]: «Вновь приезжая барыня, или, как ее называют, дама, – а почему бы не краля? – обязана объехать все 38 домов, составляющие высшее общество города <...>» [3, с. 23]; Мокрида Роховна или Роговна, как её обыкновенно звали, полуполька, супруга инспектора врачебной управы, узнала об этом событии и при первом случае не оставила кольнуть как вице-губернаторшу <...>» [3, с. 45];

по прозванию (устар.) – по имени, прозвищу, данному народом [4, с. 610; 7, с. 538]: «Это был запросто Иван Иванович, и даже по прозванию только Иванов, бывший писец и бесчинный – чтобы не сказать бесчинный – служитель жировского земского суда» [3, с. 55];

говоря вообще (разг.) – в общих чертах: «Ну, а что же вы скажете, почтенные читатели, если я вам докажу на деле, что Евсею Стахеевичу вовсе ничего об этом не известно и что малиновцы наши, <...> говоря вообще, <...> дела этого рода знают гораздо и весьма заблаговременно и всегда прежде тех, до коих они непосредственно относятся» [3, с. 93] – употреблено для противопоставления двух явлений, второе из которых является, по мнению автора, более важным;

как выражается – по выражению: «Оборотнев хотя и был только, как выразился смотритель в Помераньи, высокородный бригадир, со звездой св. Станислава второй степени, не знал, однако, куда деваться от глупой надутой спеси, которая играла у него на лице во всех жилках, отзывалась во всех ухватках, в каждом слове, даже в чиханьи и кашле <...>» [3, с. 96];

так думалось – так мыслилось [4, с. 182]: «И как это глупо, бестолково, – так думалось ему, – ну пусть бы уже раза два, три в году, коли это необходимо, коли ведет к чему-нибудь, а то – каждое воскресенье, каждый божий праздник» [3, с. 20];

конструкциями, включающими лексему «кажется» в сочетании «как мне кажется», в котором контекст не подтверждает наличие семы «неуверенность, предположение»: «Послушайте, – сказала Марья Ивановна, – я не видала вас никогда еще столько малодушным, хотя знала вас, как мне кажется, гораздо в худшем положении, чем ныне» [3, с. 93] «зная молодого человека с отрочества героиня уверена в даваемой характеристике».

Модальная оценка обычности (4 примера) представлена глагольной формой с семой итеративности – бывало: «Когда, бывало, учитель сек нас в уездном училище, то уверял всегда и приговаривал во все время секуции: «Не я бью, сам себя бьешь» [3, с. 20] = «повторялось систематически, каждый раз при наказании ученика».

К модальным модификаторам относим непродуктивные в функционировании вводные слова, обогащающие высказывание положительной (3 примера) и отрицательной (5) эмоциональной оценкой сообщаемого:

к удивлению: «Воспитательница, с которою сидел теперь Лиров, была, к удивлению его, русская, женщина умная и образованная, бывшая воспитанница одного из благотельных казенных заведений наших» [3, с. 65];

к счастью, к несчастью: «Он, как видно, давно уже решил, что женится на Мелаше; он навещал детей еще в институте и, к несчастью, а может быть, и к счастью, там уже сделал невыгодное на них впечатление <...>» [3, с. 92];

на беду – к несчастью: «<...> инспектор врачебной управы не последнее лицо при приеме рекрут; в нынешний набор, который, на беду, случился вскоре после ссоры дам, Перепетуя Эльпидифоровна дорого поплатилась <...>» [3, с. 45];

неприятное положение – сложившиеся обстоятельства: «Первое свидание с вами, кроме душевного удовольствия, доставляет мне еще, в крайне неприятном положении моём, помощь и спасение; вы меня можете выручить теперь <...>» [3, с. 93].

Выводы. Анализ текстового материала повести «Бедовик» позволил сделать вывод о том, что особых отклонений в объективации субъективной модальности по сравнению с современным состоянием русского языка у В.И. Даля не отмечено. Имеет место многозначность некоторых из модальных модификаторов глагольного характера. Незначительное преобладание внешней модальности над модальностью внутрисинтаксической определяется склонностью главного героя к размышлению и анализу, попыткой дать объективную оценку окружающей его действительности, неприемлемостью сложившихся в описываемой среде обычаев, и наконец, – близостью языка повести к диалогизации, к разговорному стилю, что, вероятно, позволяет говорить о специфике идиостиля В.И. Даля.

Перспективой подобного исследования являются дальнейшие разыскания в вопросе об особенностях языка художественных произведений писателя.

Литература:

1. Ляпон М.В. Модальность / М.В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Совет. энцикл., 1990. – С. 303–304.
2. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 368 с.

3. Даль В.И. Бедовик / В.И. Даль // Даль В.И. Избранные произведения. – М. : Изд-во «Правда», 1983. – С. 19–100.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : «Азъ», 1997. – 940 с.
5. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 53–87.
6. Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть вторая. – М. : АН СССР, 1954. – 444 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. – М. : изд-во Эксмо, 2009. – 736 с.

Юган Н. Л. Суб'єктивна модальність у повісті В. І. Даля «Бідовик»

Анотація. У статті дано опис суб'єктивної модальності висловлювання в повісті В. І. Даля «Бідовик», диференційованої на внутрішньосинтаксичну та зовнішню, що нашаровуються на предикативну модальність.

Ключові слова: модальність, суб'єктивна, внутрішньосинтаксична, зовнішня, модифікатори, вступні конструкції, модальна рамка.

Yugan N. Subjective modality in V. I. Dahl's story „Bedovik”

Summary. The article gives the description of subjective modality of an utterance in the story „Bedovik” by V. I. Dahl, subjective modality being divided into intra-syntactical and external ones, which are deposited on predicative modality.

Key words: modality, subjective, intra-syntactical, external, modifiers, parenthetical constructions, modal frame.